

— Раздел I —

Исследования общеконцептуальных, методологических и терминологических вопросов и тенденций историко-правовой науки

МИХАЙЛОВА Наталья Владимировна,
профессор кафедры истории государства и права
Московского университета Министерства внутренних
дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
работник высшей школы Российской Федерации,
член Ассоциации историков права

Историософия — методологическая основа постижения истории государства и права

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению историософии как методологической основы постижения истории государства и права. Особый интерес представляют рассуждения о содержательных особенностях терминов «философия истории» и «историософия», подчеркиваются их глубинная взаимосвязь и определенные различия, позволяющие сделать вывод, что именно термин «историософия» включает в себе ярко выраженное методологическое содержание. Важное значение имеет обращение к необходимости использования историософией широкого спектра методов не только гуманитарных, но и естественных и точных наук (историометрии, синергетики, корреляционного анализа и др.). На основе анализа «клипового» и системного мышления отмечается, что историософия позволяет выйти на более высокий научный и образовательный уровень.

Ключевые слова: методология; историософия; философия истории; методологические принципы; историометрия; синергетика; корреляционный анализ; парадигмы истории; клиометрия; цивилизация; клиповое мышление; системное мышление.

Весьма своевременно методологические вопросы истории государства и права оказались вынесены на обсуждение участников Второго ежегодного форума историков права в июне 2023 года. Неслучайно и то, что рассмотрение методологических проблем, поиск новых методологических решений были приурочены к 135-летию со дня рождения патриарха историко-правовой науки Серафима Владимировича Юшкова, идеи которого, отраженные в научной и учебной литературе¹, многие десятилетия определяли методологические принципы познания истории государства и права.

В науке нет единого определения понятия «методология», их насчитывается с десяток. В настоящее время понятие «методология» употребляется не только в изначальном смысле (раздел науки о ее методах), но и как научная дисциплина, изучающая природу, принципы, методы, теоретические основы познания.

Каждая научная дисциплина находится в поиске своей собственной методологии. Можно согласиться с определением методологии истории, которое гласит, что это специальная историческая дисциплина, определяющая предмет и объект истории, цель исторического научного познания, изучающая статус истории, ее строение, разрабатывающая теорию научного исторического познания. Вполне подходит, на наш взгляд, это определение и к пониманию методологии всего комплекса исторических дисциплин, в т. ч. и истории государства и права, которая является дочерней научной дисциплиной истории, значительной частью всеобщего исторического знания, важнейшим компонентом исторической науки. Поэтому историческая и историко-правовая методология по своему содержанию очень близки.

На формирование исторической (историко-правовой) методологии серьезное влияние оказала и продолжает оказывать философия, чьи методы универсальны для научного познания. Еще ученые древности,

¹ См., например: Юшков С. В. Русская правда: происхождение, источники, ее значение. М., Госюриздат, 1950. 380 с.; Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. I. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 596 с.

такие как Гесиод, Лукреций, Августин Блаженный², обращали внимание на философско-исторические аспекты исследуемых ими проблем. Французский просветитель XVIII в. Франсуа Мари Вольтер утверждал, что историк не должен ограничиваться описанием событий в хронологической последовательности, а истолковывать их взаимосвязь, раскрывая общие законы исторического развития, опираясь при этом на философское знание³. Так, с подачи Вольтера появился термин «философия истории», содержание которого во многом определяет существо исторической (историко-правовой) методологии. А. С. Пушкин писал о Вольтере, что он «первым пошел по новой дороге и внес светильник философии в темные архивы истории»⁴.

Иоганн Готфрид Гердер создал объемный научный труд «Идеи к философии истории человечества»⁵, в котором утверждал, что ему интересна наука, которая осмысливает всю историю человечества. Такой наукой он считал «философию истории», тем самым ученый заявил о начале становления «философии истории» как особой методологической научной дисциплины. Георг Вильгельм Фридрих Гегель ввел в научный оборот термин «всемирная философская история». Ученый писал, что «всемирная история есть выражение божественного, абсолютного процесса духа в его высших образах, она есть выражение того ряда ступеней, благодаря которому он осуществляет свою истину, доходит до самосознания»⁶.

Термин «историософия» ввел Август Чешковский в 1833 г. для описания гегелевской концепции мировой истории как проявления мирового духа. Заметим, что Чешковский, будучи поляком, родился

² Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. М.: Художественная литература, 1963. С. 145–147; Тит Лукреций Кар. О природе вещей / пер. Ф. А. Петровского, вступ. ст. Т. В. Васильевой. М.: Художественная литература, 1983. 384 с.; Августин Блаженный Аврелий. О граде Божием // Творения. Т. 4. Кн. 14–22. Киев: УЦИММ-пресс 1998. С. 171–172.

³ Вольтер Фр. М. Философия истории. С.-Петербург. Тип. Н. Неклюдова, 1868. 428 с.

⁴ Лаптева М. П. Теория и методология истории: курс лекций. Пермь: Перм. гос. ун-т., 2006. С. 50

⁵ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.

⁶ Гегель. Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 102.

и жил, когда его родина находилась в составе Российской империи. Подчеркну, что термины «историософия» и «философия истории» синонимичны. Причем, как всякие синонимы, они не противопоставляются друг другу, а совпадают по своему содержанию.

«Философия история» и «историософия» понятия близкие, но более точным в аспекте рассуждений о методологии является термин «историософия». Ряд ученых считают, что в исторической и историко-правовой науках сложились два подхода — историософский и теоретико-методологический. Однако, на наш взгляд, историософский подход вбирает в себя теоретико-методологический и являет собой методологию исторического и историко-правового познания.

Общеизвестно, что в переводе с древнегреческого термин «философия» означает любовь к мудрости, следовательно, «философия истории» — это любовь к мудрости истории. Посмотрим под этим углом зрения на термин «историософия». В переводе с того же древнегреческого он означает «история мудрости». И если у древних греков музой истории считалась Клио, то ее мать богиня Мнемосина носила имя «Воспоминание», «Память», а присущая человечеству память лежит в основании любой формы осмысления прошлого. Следовательно, покровительницей историософии является Мнемосина.

Заметим, что с позиций философа, историософия отвечает на вопросы об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса. А с позиций историка «историософия» исследует развитие человеческого общества, единство и многомерность исторического процесса на основе масштабного фактического материала. И этот исторический материал является основанием философских рассуждений, в рамках «историософии» анализируется логика проблемы социального детерминизма, устанавливается истинность или достоверность исторических фактов и событий.

Василий Никитович Татищев считал, что для изучения прошлого нужно «понятие», что означает, по мнению ученого, применение к историческим источникам логических приемов мышления

и специальных критических приемов⁷. Созвучны этому и мысли Арнольда Тойнби, который писал, что «факты для историка — это запас сырья, и он должен добывать его в таких количествах, что сам процесс вызывал бы у него отвращение, не любил он эту работу. Я люблю факты истории, но не ради их самих. Я люблю их как ключики к чему-то, что лежит за их пределами»⁸.

Историософия задается вопросом о смысле истории, не давая на него ответа, ищет и позволяет найти на него ответ, поэтому историософию можно признать способом осмысления истории, истории государства и права, т. е. методологической научной дисциплиной. Благодаря историософии осуществляется переход от простого коллекционирования фактов к обнаружению и истолкованию их внутренних связей. Историософия как система познавательных процедур дает ученому возможность, во-первых, находить факты, во-вторых, излагать их и объяснять.

Будучи методологической дисциплиной, историософия как методология всякой науки отвечает на вопросы онтологии, о теоретическом инструментарии, о методах исследования, о критерии научности полученного знания, об истине, о законах. Общепризнанными методологическими принципами исторического и историко-правового познания, являются: принципы истины, историзма, конкретности, объективности, системности, компаративистики и другие.

Методологическое развитие исторической и историко-правовой наук выражается в широком использовании и методов многих других наук — от целого ряда гуманитарных (философии, социологии, психологии и др.) до естественных и точных (историометрии, синергетики, корреляционного анализа и др.). Например, сравнив колебания процессов общественного развития с колебаниями физико-химических процессов в солнечной материи, Александр Леонидович Чижевский

⁷ Татищев В. Н. История Российская. Ч. I. М.: Ладомир, 1994. С. 79.

⁸ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб.: Прогресс-Культура, Ювента, 1996. С. 258.

создал то, что он назвал историометрией⁹, и эта теория стала инструментарием исторической и историко-правовой методологии.

Тотальное историософское обновление исторической и историко-правовой наук связано с появлением синергетического подхода, разработанного Ильей Романовичем Пригожиным. Ученый создал своеобразную теорию самоорганизации, которая внесла неопределимый вклад в преодоление дихотомии (раздвоенности) общественных и естественных наук¹⁰. Синергетический подход дает методологическую основу для анализа проблемы альтернатив исторического развития, для изучения сложных процессов, возникающих при «надломе цивилизаций». Точкой бифуркации является такое состояние объекта, когда невозможно предсказать его дальнейшую судьбу. По мнению многих ученых, например, революция рассматривается как типичная точка бифуркации.

Также методологический инструментарий историка и историка права дополнен методом корреляционного анализа¹¹, с помощью которого устанавливается зависимость между отдельными переменными или признаками, возникающими тогда, когда один из этих признаков зависит не только от другого, но и от ряда случайных событий, с чем часто сталкиваются историческая и историко-правовая науки.

Историософия вооружает исследователей при постижении различных парадигм истории (типологии и периодизации)¹², подходов к анализу исторического и историко-правового процессов (например, формационного и цивилизационного). Парадигма цивилизационного

⁹ Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: Гостиполитограф, 1924. С. 10.

¹⁰ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 11.

¹¹ Абрамов В. К. Корреляционный метод в исторических исследованиях // Фундаментальные исследования. 2007. № 12–3. С. 507–508.

¹² Михайлова Н. В. Методологические критерии периодизации истории государства и права // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под редакцией А. А. Дорской и Д. А. Пашенцева. М.; Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 71–72.

подхода к осмыслению истории нашла выражение в «культурно-исторических типах» Николая Яковлевича Данилевского¹³, «высоких культурах» Освальда Шпенглера¹⁴, «локальных цивилизациях» Арнольда Тойнби¹⁵ или «культурных суперсистемах» Питирима Александровича Сорокина¹⁶.

Историософия позволяет исследователям и обучающимся выйти на новый научный и образовательный уровень. Применение историософского метода постижения истории, в том числе и истории государства и права, занимает важное место в изучении этих учебных дисциплин в высших учебных заведениях и позволяет обучающимся, овладев методологией истории (историософией), достичь более высокого уровня познания исторических процессов в сравнении с довузовскими формами образования.

В настоящее время написаны и изданы учебники и учебные пособия с применением методологического инструментария историософии. Отдавая должное фактам, эта учебная литература ориентирует обучающихся не столько на их знание, сколько на осмысление причинно-следственных связей между историческими, историко-правовыми явлениями, материал представлен в полемическом, дискуссионном ключе, рассматриваются общие закономерности мировых процессов и определяется место нашего Отечества в цивилизационном процессе. Это создает возможность четко различать школьный (фактологический) и вузовский (историософский) уровень изучения истории. Историософский подход вполне приемлем и даже необходим в постижении в высших учебных заведениях истории государства и права как зарубежных стран, так и России¹⁷.

¹³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 560 с.

¹⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Мысль, 1993. 663 с.

¹⁵ Тойнби А. Указ. соч.

¹⁶ Сорокин П. А. Социокультурная динамика. М.: Директ-Медиа, 2007. 344 с.

¹⁷ Михайлова Н. В. Познание истории: ключ к прошлому, настоящему, будущему: учеб. пособие. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1999. 312 с.; История государства и права зарубежных стран: учебник / Коллектив авторов; под ред. Н. В. Михайловой. М.: КНОРУС, 2018. 599 с.; Михайлова Н. В. История государства и права России (XIX — начало XXI в.): учебное пособие. М.: КНОРУС, 2014. 376 с.

Только на основе применения методологических принципов, заключенных в историософии, возможно вернуться к традиционным отечественным целям и задачам обучения, т. е. перейти от клипового мышления, навязанного нам пресловутым Болонским процессом, к системному осмыслению исторических и историко-правовых проблем. Историософия является путеводной звездой всего комплекса исторических вузовских дисциплин, стержнем освоения которых является понимание логики, закономерностей общественного развития. Историософия есть метод осмысления всех направлений исторического познания.

Выход образовательного процесса на означенный уровень позволяет обучающимся не только овладеть историческими знаниями, но и проникнуть в смысл исторических процессов, выработав способ исторического, историко-правового мышления, который является ключом к освоению кладовых исторической памяти, который дает понимание, что без прошлого нет будущего, что история это не то, что умерло, а то, что продолжается¹⁸. Однако чиновники от образования не руководствуются этой, казалось бы, прописной истиной. Предлагаемая, например, ими тестовая система несовместима с историософским методом постижения истории. Ни один тест не содержит и не может содержать вопросы на понимание сути, логики, объективных закономерностей исторических, историко-правовых явлений, они содержат вопросы на знание фактов и их места на хронологической шкале. Совершенно неоправданно звучит требование проверки остаточных знаний. Надо проверять не остаточные знания, а то, насколько обучающиеся овладели способом исторического, историко-правового мышления, могут ли они его применить при анализе причинно-следственных закономерностей различных общественных событий.

¹⁸ Михайлова Н. В. Познание истории: ключ к прошлому, настоящему, будущему. С. 3.

Историософия представляет собой методологическое основание исследовательской деятельности по постижению всего комплекса исторических научных дисциплин и фундамент вузовского изучения исторических и историко-правовых учебных предметов.

Список литературы

1. Абрамов В. К. Корреляционный метод в исторических исследованиях // Фундаментальные исследования. 2007. № 12–3. С. 507–508.
2. Августин Блаженный Аврелий. О граде Божием // Творения. Т. 4. Кн. 14–22. Киев: УЦИММ-пресс 1998. 584 с.
3. Вольтер Фр. М. Философия истории. С.-Петербург. Тип. Н. Неклюдова, 1868. 429 с.
4. Гегель. Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. Наука, 1993. 480 с.
5. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 793 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 560 с.
7. История государства и права зарубежных стран: учебник / Коллектив авторов; под ред. Н. В. Михайловой. М.: Кнорус, 2018. 599 с.
8. Лаптева М. П. Теория и методология истории: курс лекций. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2006. — 254 с.
9. Михайлова Н. В. История государства и права России (XIX — начало XXI в.): учебное пособие. М.: Кнорус, 2014. 376 с.
10. Михайлова Н. В. Методологические критерии периодизации истории государства и права // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под редакцией А. А. Дорской и Д. А. Пашенцева. М.; Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 64–73.
11. Михайлова Н. В. Познание истории: ключ к прошлому, настоящему, будущему: учеб. пособие. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1999. 312 с.

12. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: Едиториал УРСС, 2003. 240 с.
13. Сорокин П. А. Социокультурная динамика. М.: Директ-Медиа, 2007. 344 с.
14. Татищев В. Н. История Российская. Ч. I. М.: Ладомир, 1962. 500 с.
15. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. / пер. Ф. А. Петровского, вступ. ст. Т. В. Васильевой. М.: Художественная литература, 1983. 384 с.
16. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб.: Прогресс-Культура, Ювента, 1996. 480 с.
17. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: Гостиполитограф, 1924. 70 с.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Мысль, 1993. 663 с.
19. Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. М.: Художественная литература, 1963. 407 с.
20. Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. I. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 596 с.
21. Юшков С. В. Русская правда: происхождение, источники, ее значение. М., Госюриздат, 1950. 380 с.

СКОРОБОГАТОВ Андрей Валерьевич,
профессор кафедры теории государства и права
и публично-правовых дисциплин Казанского
инновационного университета имени В. Г. Тимирязова,
доктор исторических наук, доцент,
член Ассоциации историков права

Предметное поле историко- правового познания

Аннотация. В статье рассмотрено историко-правовое познание как синтез исторического и правового познания социальной реальности, в основу которого положена интегративная методология. Отмечается, что исследование прошлого должно учитывать не только объективный, но и субъективный элемент и предполагает как перспективную, так и ретроспективную интенцию. Предметное поле историко-правового познания как фронт исторического, социокультурного и правового обращения к прошлому предполагает не только его реконструкцию, но и деконструкцию. В наибольшей степени для обозначения его специфики подходит предлагаемая автором категория «историко-правовая реальность», которая эксплицирует правовое бытие социума в определенном пространственно-временном континууме с учетом широкого социокультурного контекста.

Ключевые слова: историко-правовое познание; историко-правовая реальность; постклассическая рациональность; социальное конструирование реальности; междисциплинарность; интегративность; пространственно-временной континуум.

Несмотря на существенное изменение содержания юридических наук, вопросы определения их предмета, его соответствия современному уровню развития науки по-прежнему остаются нераскрытыми. Необходимо учитывать, что для современного общества вопросы историко-правового познания перестали быть исключительно научными, став основой формирования исторической памяти. Это особенно актуально в связи с провозглашенным конституционной реформой 2020 г.¹ и развитым в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые были утверждены Президентом Российской Федерации 9 ноября 2022 г.², курсом на усиление роли истории и социального опыта в развитии общества и государственном строительстве в настоящее время³.

Прежде всего необходимо отметить, что познание не тождественно знанию, хотя оно помогает последнему в рациональном осознании действительности. Познание — это возможность понимать связи между вещами, а также между истинами. Социальное познание и правовое как его часть ближе по значению к когерентности и совместимости, чем к соответствию, даже если первоначально речь шла о связи с истиной. Познание связано с ценностями, моралью и этикой, эксплицирует особенности рефлексии и интерпретации индивидом социальной реальности⁴. Именно познание можно рассматривать в качестве теоретической основы социальной идентификации человека. Большое значение в этом процессе имеет историко-правовое познание, которое позволяет понять и объяснить закономерности и случайности

¹ Бабурин С. Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3–6.

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

³ См. напр.: приказ Минобрнауки России от 19.07.2022 № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования».

⁴ См. подробнее: Боруленков Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты). М.: Юрлитинформ, 2014. 392 с.

современных правовых явлений на основе обращения к социальному правовому опыту⁵.

Историко-правовое познание является синтезом исторического и правового познания, который эксплицирует гносеологическое двуединство интенции рефлексии прошлого и социального опыта⁶. Обращение исследователя к истории права предполагает комплексный анализ не только внешней и (или) внутренней формы права (в широком или узком смысле) на определенной территории и в определенный хронологический отрезок, но и изучение экономических, социальных, политических, интеллектуальных и иных факторов и условий правового бытия человека в пространственно-временном континууме. При этом изучение истории государства необходимо лишь в той части, которая связана с созданием, реализацией и интерпретацией норм права и форм его выражения, наряду с другими субъектами, участвующими в процессе правообразования и правореализации. Историко-правовое познание в этом смысле отражает динамику и контекст правовой реальности.

В то же время акцент современной науки на междисциплинарности и интегративности, существенно расширяющий исследовательское пространство науки и ориентирующий на изучение социальных явлений в широком социокультурном контексте, предполагает не только овладение юридической наукой исследовательским инструментарием других гуманитарных наук, но и включение в ее предмет элементов предмета иных гуманитарных наук, рассматривающих данный контекст. Особенно актуальна эта тенденция для историко-правовых наук, фактически способствуя их трансформации

⁵ Lacey N. Jurisprudence, history, and the institutional quality of law // *Virginia Law Review*. 2015. Vol. 101 (4). P. 919–945. См. также: Савченко Д. А. Основные закономерности развития права: историко-правовой аспект // *Право и правоприменение в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, Новосибирск, 24–26 сентября 2020 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 23–25.

⁶ См. подробнее: Samuel G. *Epistemology and Method in Law*. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 25–38.

в междисциплинарные области знания общегуманитарного характера. Однако переход к постклассической рациональности в историко-правовой науке не означает автоматического отказа от прежней научной парадигмы⁷.

Господствующим подходом к истории права по-прежнему остается линейный исторический нарратив, восходящий в своих истоках к исторической школе права⁸ и преимущественно сосредотачивавший внимание на некритической реконструкции позитивного права на основе анализа законодательства⁹. При этом преимущественно используется исторический вариант догматического метода, ориентирующий на формальный анализ источников права прошлого¹⁰. Хотя наряду с национальной историей права внимание исследователей привлекает и зарубежная, как правило, это ограничивается либо историей права Европы¹¹ и Северной Америки¹², либо европоцентристским обращением к правовому развитию иных регионов мира¹³, несмотря на существование незападной правовой традиции как в ретроспективном¹⁴, так и в интеллектуальном контексте¹⁵. Исключение состав-

⁷ Михайлова Н. В. Традиции и инновации в постижении истории отечественного государства и права // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 111–114.

⁸ Подробнее об исторической школе права и ее влиянии на развитие историко-правовой науки в XIX начале XXI вв. см.: Haferkamp H.-P. Die Historische Rechtsschule. Frankfurt am Main: Klostermann, 2018. 396 S.

⁹ Duve T. Rechtsgeschichte als Geschichte von Normativitätswissen? // Rechtsgeschichte — Legal History. 2021. Rg. 29. S. 41–68.

¹⁰ Wesel U. Zur Methode Der Rechtsgeschichte // Kritische Justiz. 1974. Vol. 7. No. 4. S. 337–368.

¹¹ См. напр.: Réveillard C., Bled J.-P., Jouve E. (Dir.). Dictionnaire historique et juridique de l'Europe. Paris: Presses universitaires de France, 2013. 410 p.; Pihlajamäki H.T.; Dubber M. D.; Godfrey M. (eds.). The Oxford Handbook of European Legal History. New York: Oxford University Press, 2018. 1192 p.

¹² Rabban D. M. Law's History: American Legal Thought and the Transatlantic Turn to History. New York: Cambridge University Press, 2013. 564 p.

¹³ Deguchi M., Yakushiji K. (eds.) Europe and Asia as a Legal Area for Fundamental Rights. Singapore: Springer, 2023. 186 p.

¹⁴ См. напр.: Chanock M. The Making of South African Legal Culture 1902–1936: Fear, Favour and Prejudice. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 571 p.

¹⁵ Metz T. Ubuntu as a moral theory and human rights in South Africa // African Human Rights Law Journal. 2011. Vol. 11. No. 2. P. 532–559.

ляет изучение истории права Древнего Востока, но и здесь превалирует европоцентристский подход¹⁶. Эти мировые тенденции развития истории права XX в. можно распространить и на Россию, правовая наука которой преимущественно развивалась в традициях континентальной Европы, начиная с XVIII в¹⁷.

Однако история права это не только то, что произошло в прошлом с правом или описание функционирования права на предшествующих этапах социального развития. Это еще и различные описания прошлого, включающие его ценностную рефлексию доктринального, профессионального и обыденного уровней. Следовательно, изучение истории права зависит не только от исследовательского инструментария, но и от определения предмета и метода историко-правового познания, которые носят плюральный характер. Во-первых, при обращении к истории права в определенных пространственно-временных пределах необходимо знать, что вкладывалось в понятие права (регулятора общественных отношений, совокупности обязательных правил поведения, обеспечивающих бесконфликтное сосуществование сообщества) современниками и какие средства создания, реализации и познания явлений, признаваемые в качестве правовых, существовали в сознании различных групп, проживающих на определенной территории и (или) на определенной временной протяженности. Во-вторых, исследователь должен учитывать смысл этих понятий, категорий и явлений с учетом социокультурного контекста как общества в целом, так и отдельных социальных групп, участвующих в процессе правообразования, правореализации и правоинтерпретации в пределах данного пространственно-временного континуума. В-третьих, для ученого важно познание историко-правовых явлений в пространстве развития современной научной парадигмы. В-четвертых, ретроспективное познание историко-правовых явлений предполагает

¹⁶ См. напр.: Westbrook R. A History of Ancient Near Eastern Law. Vol. 1. Leiden: Brill, 2003. 1209 p.

¹⁷ Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. Омск: Омская академия МВД России, 2013. 198 с.

необходимость их анализа, исходя из современных представлений о сущности права и правовом регулировании. В совокупности это предполагает обращение к истории права на основе не только нарративного, но и дискурсивного подхода¹⁸.

Обращение к истории права артикулирует необходимость рефлексии этой категории на нескольких философских уровнях с учетом ее двуединой объективно-субъективной природы¹⁹.

Во-первых, онтологически история права эксплицирует правовое бытие как часть социального бытия в его динамике и взаимосвязи с другими социальными явлениями и фактами социальной эволюции.

Во-вторых, гносеологически история права выражается в познании возникновения, развития и функционирования тех фактов и явлений, которые признаются в качестве правовых в определенном пространственно-временном континууме, а также разработке понятийно-категориального аппарата, который адекватно отражает сущность и содержание этих явлений с учетом не только исторического, но и современного исследовательского контекста.

В-третьих, аксиологически история права детерминирована правопониманием. С одной стороны, на познание права в историческом аспекте влияет правопонимание, являющееся официальным или наиболее распространенным в обществе, которое сформировало это право или которое им регулируется. С другой стороны, историко-правовое познание зависит от правопонимания исследователя, а также того социума, с которым он себя идентифицирует. Наиболее ярким примером последнего может служить историческая школа права, которая не только привела к созданию новой методологии историко-правовых исследований, но и сконструировала принципиально новый образ исторического развития германского права, выводя его

¹⁸ Landwehr A. Historische Diskursanalyse. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2008. 187 p.

¹⁹ См. напр. о возможности использования метафизической методологии в изучении истории государства и права: Момотов В. В. Методологические аспекты истории государства и права // Философия права. 2013. № 2 (57). С. 7–11.

истоки из римского²⁰. В значительной степени методологические разработки исторической школы права стали классическими при определении предмета историко-правового познания²¹. Однако переход к постклассической рациональности с признанием релятивизма знания и акцентом на критическом отношении к социальной и правовой реальности²², которые носят конструируемый характер и отражают особенности правовой коммуникации не только в научном сообществе, но и в обществе в целом, обуславливает необходимость обновления предметного поля историко-правового познания.

Современное историко-правовое познание отражает особенности развития юридической науки в условиях постклассической рациональности²³. Оно тесно связано с несколькими поворотами гуманитарного знания, которые были осуществлены в эпоху постмодерна и отражают эпистемологическую трансформацию современной юридической науки²⁴.

В первую очередь необходимо отметить лингвистический поворот, трансформировавший исследовательский интерес в сторону усиления внимания к знаково-символическому опосредованию правовых и социальных явлений и фактов²⁵. Одной из важнейших знаковых систем, связанных с конструированием социальной и правовой реальности, выступает язык, анализ которого позволяет не только

²⁰ См. подробнее: Vano C. *Der Gaius der Historischen Rechtsschule. Eine Geschichte der Wissenschaft vom römischen Recht.* Frankfurt am Main: Klostermann, 2008. 350 S.

²¹ Косарев А. И. О предмете истории государства и права // *Право и государство: теория и практика.* 2005. № 10. С. 137–143.

²² *Релятивизм в праве: коллективная монография / под ред. И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова.* СПб.: Алетейя, 2021. С. 31–34.

²³ Пашенцев Д. А. Историко-правовая наука в условиях новой научной рациональности // *Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под ред. А. А. Дорской, Д. А. Пашенцева.* М.; Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 22–26.

²⁴ См. подробнее: Честнов И. Л. *Философия права в эпоху постметафизики* // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2017. № 1 (330). С. 8–27.

²⁵ Честнов И. Л. Лингвистический «поворот» в постклассической юриспруденции // *Язык и логика закона и права. Муромцевские чтения: Материалы XIV Международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2014 года.* М.: РГГУ, 2014. С. 17–20.

выявить взаимосвязь между формой выражения и смыслом понятия, но и проследить, какие факторы воздействуют на этот процесс в определенном пространственно-временном континууме. Применительно к историко-правовому познанию лингвистический поворот означает усиление акцента на изучении юридических текстов прошлых эпох не только догматически, но также функционально и социокультурно. Речь идет об изучении особенностей языка права в пределах определенного пространственно-временного континуума с учетом не только объективных его характеристик, но и ценностных аспектов интерсубъективной рефлексии²⁶.

Лингвистический поворот тесно связан с антропологическим, поскольку создание языка и наполнение его смыслом осуществляется человеком и для человека. Речь идет о смещении исследовательского интереса с изучения обезличенных больших групп к анализу человека как социокультурного существа и правовой личности. Именно человек выступает центральным субъектом конструирования, развития и функционирования правовой реальности²⁷. Осуществляемая человеком правовая коммуникация обеспечивает интерсубъективный характер правовой реальности, ее соответствие компромиссу между интересами индивида и социума. Благодаря антропологическому повороту ученые получили возможность рассмотреть право в трех измерениях: как социальное явление, культурный феномен и сферу человеческой деятельности.

Для историко-правового познания антропологический поворот имеет дихотомичное значение. С одной стороны, речь идет

²⁶ Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Юридическая терминология в ценностном измерении // Юридическая терминология: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 20–21 мая 2021 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. С. 379–386.

²⁷ Социальная антропология права современного общества. Монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2006. С. 21–34; Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 480 с.

об усилении исследовательского внимания к субъекту правового развития, в качестве которого выступает *homo juridicus* (человек юридический) в его индивидуальном и социальном правовом бытии. С другой стороны, это означает отказ от исследовательского монизма и переход на позиции плюрализма. Речь идет о расширении значимости при исследовании прошлого собственной ценностной позиции ученого и релятивизма не только познания, но и знания. Следствием этого можно считать отказ от признания существования единственно верного знания о прошлом и ориентацию не только на реконструкцию истории права, но и на его деконструкцию²⁸, что позволяет более глубоко осмыслить значение предшествующих этапов правового развития для функционирования современной правовой реальности.

И лингвистический, и антропологический повороты акцентируют, что познание имеет не только академическое, но и практическое значение. С этим связан практический поворот гуманитарного знания. С одной стороны, это предполагает усиление внимания к социальным и юридическим практикам как формам правового бытия человека²⁹. С другой стороны, речь идет не только о прагматической, но и о прогностической направленности юридических исследований, их ориентации на трансформацию и совершенствование правовой реальности.

В историко-правовом познании практический поворот связан с отказом от юридического догматизма и исследования только формальных источников права. Речь идет об усилении исследовательского внимания ко всему многообразию правовых текстов, что позволяет изучить не только историко-правовую реальность в целом, но и воздействие на ее развитие и функционирование отдельных субъектов индивидуального и коллективного характера. Одновременно практический поворот предполагает, что любое знание имеет не только

²⁸ См. напр.: Nagarajan K. V. The Code of Hammurabi: An Economic Interpretation // *International Journal of Business and Social Science*. 2011. Vol. 2. No. 8. P. 108–117.

²⁹ Честнов И. Л. Практический поворот в современной философии права // *Российский журнал правовых исследований*. 2017. Т. 4. № 1. С. 69–76.

теоретическое, но и практическое приложение, а значит, изучение истории права должно дать современному обществу определенный опыт (как позитивный, так и негативный) использования норм права для конструирования реальности. Речь при этом идет не только о воздействии историко-правового познания на развитие юриспруденции³⁰, но и о его непосредственном участии в конструировании правовой и социальной реальности.

В отличие от рассмотренных, компаративный поворот носит более синтетический и одновременно вторичный характер. Во-первых, речь идет о сопоставлении уже изученных явлений и фактов социального и правового бытия. Во-вторых, целью такого исследования становится получение новой информации о сравниваемых явлениях, которая не содержится ни в одном из сравниваемых объектов. Такая информация носит синтетический характер и представляет собой в определенном смысле философскую абстракцию социального и правового бытия. В-третьих, речь идет об отрицании культурного универсализма и ориентации на плюрализм, на познание и полилог в коммуникативном пространстве множества равноценных и равнозначных субъектов³¹.

Для историко-правового познания компаративный поворот означает не только усиление сравнительно-правовых исследований исторической направленности, вплоть до формирования самостоятельного направления хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения³², но и возможность использовать достижения философской компаративистики для изучения историко-правовой

³⁰ Кожевина М. А. Наука истории права и государства России как фактор развития отечественной юриспруденции: генезис, этапы развития // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции, Омск, 26 марта 2021 года. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. С. 379–383.

³¹ См. подробнее: Тихомиров А. Д. Философские проблемы правовой компаративистики: Открытая лекция. Киев: Логос, 2009. 32 с. (Серия научно-методических изданий «Академия сравнительного правоведения». Вып. 17).

³² Демичев А. А. Принципы и перспективы развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Юридическая

реальности как отдельных стран и регионов, так и всего мира в целом. При этом можно говорить о двух видах правовой коммуникации. С одной стороны, речь идет об изучении особенностей правовой коммуникации прошлого. С другой стороны, сам процесс исследования истории права можно рассматривать как специфичную форму правовой коммуникации, адресантом которой будет человек, общество и государство изучаемой эпохи, а адресатом — исследователь. Однако последний вариант имеет, в свою очередь, амбивалентный характер: исследователь, будучи адресатом правовой коммуникации по отношению к информации, извлекаемой из истории права, становится адресантом трансляции интерпретируемой им информации научному сообществу или социуму в целом.

Речь при этом идет не только о выявлении общего, особенного и специфичного в историко-правовом развитии, но и о возможности конструирования локальных закономерностей генезиса и эволюции историко-правовой реальности в пределах определенного пространственно-временного континуума.

Кроме того, в современных условиях можно также говорить об историческом повороте гуманитарного знания. Речь идет не только о расширении исследовательского интереса к прошлому науки и соответствующей области знания, но и об историоризации всех сторон жизни человека. Ярким примером этого процесса является усиление роли памяти в жизни человека и общества и расширение роли политики памяти в социальной жизни человека³³. Применительно к историко-правовому познанию это выражается в двуедином процессе рефлексии правового бытия в прошлом. С одной стороны, происходит усиление исследовательского внимания к изучению познания развития и функционирования правовых систем в хронологической последовательности, в т. ч. синхронной и диахронной направленности,

наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 23–28.

³³ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

не только в национальном, но и в глобальном масштабе³⁴. С другой стороны, растет интерес к ретроспективному познанию факторов эффективного развития и функционирования правовых явлений³⁵.

Кроме того, происходит формирование междисциплинарных направлений историко-правовых исследований. Примером может служить мемориальное законодательство, которое эксплицирует места памяти и одновременно конструирует фреймы памяти в определенном пространственно-временном континууме³⁶. Однако гетерономность, плюрализм, децентрализм и релятивизм познания постмодерна не позволяет сконструировать однозначный образ прошлого, который перестает быть исключительно нарративным и все больше приобретает дискурсивные черты³⁷. В совокупности это свидетельствует о необходимости переосмысления форм выражения историко-правового познания и перехода от истории государства и права и истории политических и правовых учений к исторической юриспруденции как интегрированной науке³⁸, включающей социальные, культурные, юридические, политические, интеллектуальные и иные аспекты возникновения, развития и функционирования явлений, признаваемых в качестве правовых в пределах определенного пространственно-временного континуума.

³⁴ Dubber M., Tomlins Ch. (eds.). *The Oxford Handbook of Legal History*. New York: Oxford University Press, 2018. 1182 p.

³⁵ См. напр.: Costa P., Zolo D. (eds.). *The Rule of Law: History, Theory and Criticism*. Dordrecht: Springer, 2007. 700 p.

³⁶ Подробнее о гносеологическом и аксиологическом значении мемориального законодательства см.: Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Мемориальное законодательство как средство конструирования российской гражданской идентичности // *Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г.* СПб.: СПбГУП, 2022. С. 446–448.

³⁷ Загутин Д. С. Историческая память в культуре постмодерна // *Гуманитарий Юга России*. 2020. Т. 9. № 2. С. 225–233.

³⁸ Лонская С. В. Историческая юриспруденция как точная наука? // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2017. № 4. С. 202–209. См. также: Dubber M. *New Historical Jurisprudence: Legal History as Critical Analysis of Law* // *Critical Analysis of Law*. 2015. Vol. 2 (1). P. 1–18.

Особую специфичность историко-правовому познанию придает его опосредованность специальными историческими источниками, в которых зафиксированы правовые нормы и ценности, особенности их реализации в пределах определенного пространственно-временного континуума, отношение человека, социальных групп и общества к институтам и явлениям, которые данным субъектом признаются в качестве правовых, то есть правовыми текстами (тексты, имеющие правовое содержание; тексты, созданные с правовой целью; тексты, приобретшие правовой смысл или значение в силу особенностей практического использования). Постклассическая интерпретация понятия «правовой текст» имеет расширительный характер и включает в него не только литеральные формы, но также вербальные, жестовые, графические и т. д. Критический анализ таких текстов должен осуществляться не только с учетом требований юридической техники, но и в соответствии с уровнем правовой культуры изучаемой историко-правовой реальности. Особенно это касается правовых текстов, написанных на не родном для исследователя языке. При их анализе необходимо учитывать не только лингвистические особенности, но и культурологические, позволяющие понять не только вербальное содержание текста, но и его смысл с учетом культурных кодов, использовавшихся в той социальной группе, с которой себя идентифицировал автор изучаемого текста.

В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о философских целях историко-правового познания, необходима разработка историософии права, которая позволит подняться над фактологичностью историко-правовых исследований и выйти на уровень теоретических философских обобщений развития и функционирования историко-правовой реальности во всем ее многообразии и взаимосвязи со смежными вопросами социального развития³⁹. Примером

³⁹ Postema G. J. Jurisprudence, the sociable science // Virginia Law Review. 2015. Vol. 101 (4). P. 869–901.

деятельности в этом направлении является публикация материалов Первого форума историков права, в которых большое место занимают историософские вопросы развития права (прежде всего статьи И. Л. Честнова⁴⁰ и Е. М. Крупени⁴¹).

Именно решение историософской задачи определения методологической интенции историко-правового познания определяет его ориентацию на реконструкцию прошлого или его деконструкцию. Если классическое историко-правовое познание акцентировало внимание на реконструкции, преследующей цель восстановить юридическое прошлое с позиций правовой культуры определенного пространственно-временного континуума и предполагало выявление закономерностей государственно-правового развития⁴², то современное познание в силу обозначенных выше поворотов гуманитарного знания ориентируется на деконструкцию, направленную на конструирование образа прошлого, руководствуясь представлением современной науки о структуре, содержании и функциях определенного правового явления или института⁴³. Однако дискурсивность и релятивизм современного познания предполагают, что приход постклассической рациональности не означает автоматического отказа от классической, т. е. смещение исследовательского интереса на деконструкцию правовых явлений и фактов не ведет за собой отрицание гносеологического

⁴⁰ Честнов И. Л. Генетическая постклассическая методология в историко-правовой науке // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под ред. А. А. Дорской, Д. А. Пашенцева. М.; Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 27–44.

⁴¹ Крупени Е. М. Междисциплинарный синтез теории и истории государства и права: к вопросу об актуализации субъектно-личностного направления в исследованиях // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под ред. А. А. Дорской, Д. А. Пашенцева. М.; Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 137–150.

⁴² См. подробнее: Гальперин Г. Б., Королев А. И. Методологические и теоретические вопросы науки истории государства и права СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 103 с.

⁴³ Честнов И. Л. Историко-правовая наука в ситуации постпостмодерна // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2021. № 5 (81). С. 91–96.

потенциала реконструкции. Выбор той или иной методологической интенции детерминирован телеологически⁴⁴.

При этом необходимо учитывать, что современное историко-правовое познание вышло за пределы исключительно научной парадигмы, оказывая непосредственное воздействие на правовую политику как на внутригосударственном уровне, так и на международном. Примером могут являться широко распространенные в наше время войны памяти и мемориальное законодательство как один из инструментов их осуществления⁴⁵.

Многогранность историко-правового познания не позволяет четко определить его предмет. Нам представляется необходимым использовать при этом термин «предметное поле» как более широкую категорию, имеющую фронтальный характер и предполагающую пересечение предметов нескольких гуманитарных дисциплин применительно к исследованию динамики правового бытия. Во-первых, это дает возможность рассмотреть историко-правовую реальность как объективно-субъективную категорию, включающую в себя не только закономерности социального развития, но и отдельные факты, носящие ситуативный характер. Во-вторых, темпоральная эволюция историко-правовой реальности включает в себя как динамический компонент, так и статический и предполагает учет диахронных, синхронных и асинхронных интенций, сочетание непрерывного правового бытия с прерывистостью отдельных правовых фактов. В-третьих, это позволяет охватить различные формы правового бытия с учетом того, какие явления и процессы

⁴⁴ См. подробнее о значении целеполагания в историко-правовых исследованиях: Скоробогатов А. В. Телеологическая парадигма историко-правового познания // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под ред. А. А. Дорской, Д. А. Пашенцева. М.; Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 87–96.

⁴⁵ Дорская А. А., Пашенцев Д. А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 6. С. 5–15.

выступали в качестве регуляторов общественных отношений в том или ином пространственно-временном континууме. В-четвертых, речь идет об изучении права не только в его нормативном и институциональном выражении, но и через призму индивидуальной рефлексии как современниками, так и последующими исследователями. В-пятых, сам процесс рефлексии в его индивидуальной и intersubъективной форме в широком историческом и социокультурном также выступает предметом познания⁴⁶. В совокупности это позволяет определить в качестве предметного поля историко-правового познания категорию историко-правовой реальности, отражающую правовое бытие в историческом аспекте в широком социокультурном контексте.

Историко-правовая реальность понимается нами как философско-правовая категория, характеризующая историческое бытие права в широком социокультурном контексте; сложная самоорганизованная система правовых феноменов разного качества и уровня, взятых в объективном, субъективном и intersubъективном смысле, а также в субстанциональном, функциональном и когнитивном срезах, способная к самовоспроизводству и социальному конструированию, интенционально направленная на стабилизацию и упорядоченность социума и отношений внутри него на основе наиболее авторитетных, принимаемых большинством членов социума регуляторов, выраженных в вербальных и невербальных текстах, содержание которых интерпретируется акторами в рамках правовой коммуникации на основе социального правового опыта, сложившихся правовых традиций, а также феноменов скрытого характера (правовые стереотипы, архетипы сознания), и эксплицируется в правовых действиях на основе

⁴⁶ Подробнее о тенденциях развития отечественной историко-правовой науки см.: Дорская А. А. Тенденции развития историко-правовой науки в России на современном этапе (анализ диссертационных исследований 2012–2022 гг.) // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под ред. А. А. Дорской, Д. А. Пашенцева. М.; Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 106–113.

их фрактальной детерминации, существуя в пределах определенного пространственно-временного континуума.

Историко-правовой реальности присущи признаки, характерные как для правовой, так и для исторической реальности:

- 1) историко-правовая реальность является особой формой исторического бытия права и всех его проявлений;
- 2) историко-правовая реальность имеет пространственно-временное устройство и ограничивается пределами исторического познания правовых явлений и институтов;
- 3) историко-правовая реальность сочетает в себе объективный и субъективный аспекты бытия права и неразрывно связана с сознанием и исторической памятью человека, социальной группы и общества в целом;
- 4) историко-правовая реальность имеет неразрывную связь с историческим прошлым и информацией о правовой реальности прошлого как научного, так и официального и обычного характера;
- 5) историко-правовая реальность охватывает все без исключения правовые явления и институты, существующие (существовавшие) в определенном обществе, государстве (государствах), как положительные, так и отрицательные, как общие, так и единичные, как объективные, так и субъективные и интерсубъективные;
- 6) историко-правовая реальность носит динамический характер, постоянно меняется и движется вперед во временной плоскости от прошлого через настоящее к будущему;
- 7) историко-правовая реальность характеризует общую картину права и состояние правовой реальности определенного социума или государства в конкретный исторический период, а также процесс развития отдельных правовых институтов и реальные изменения, которые в них произошли.

Пространственно историко-правовую реальность можно рассматривать как в границах определенного государства или социума, так и глобально. В первом случае речь может идти о границах бытия

права как в представлении современников, так и с позиций современной историко-правовой науки, а также политической карты мира. Исходя из этого, можно говорить о национальной историко-правовой реальности, историко-правовой реальности определенного социума, историко-правовой реальности определенного государства (современного или существовавшего в прошлом), всемирной историко-правовой реальности. Существование историко-правовой реальности во времени может быть очерчено как существованием определенного государственного образования, так и спецификой государственно-правового развития определенного пространственно-временного континуума.

Однако, исходя из специфики правового времени, которое может быть представлено хронологически, темпорально и концептуально, историко-правовая реальность может быть представлена как с точки зрения некоего более или менее протяженного отрезка физического времени, так и с позиций экзистенциального времени индивидуального или коллективного субъекта. При этом исследование правовой реальности хронологически будет направлено на ее реконструкцию без учета позиций отдельных субъектов, а темпоральное изучение, напротив, даст возможность представить историко-правовую реальность с позиций отдельных лиц, являющихся участниками правовой коммуникации в пространстве данной реальности.

Кроме того, деконструкция историко-правовой реальности, ее исследование с позиций современных закономерностей государственно-правового развития предполагает конструирование специфического концептуального времени как исследовательской абстракции, позволяющей познающему субъекту выделить в историко-правовой реальности отрезки времени, которые не только позволяют более глубоко изучить специфику реальности определенного пространственно-временного континуума, но и дают возможность выявить в этой реальности элементы, анализ которых необходим для аргументации выводов об эффективности данной конструкции в современной правовой реальности. В первом случае речь идет об изучении

историко-правовой реальности на основе принципа историзма, во втором же во главу угла поставлен принцип ретроспекции.

Отдельным вопросом определения предметного поля историко-правового познания является характеристика его субъектного состава. Нам представляется, что для современного мира следует рассматривать историко-правовое познание комплексно, с учетом его не только научного, но и социального значения. Это позволяет по аналогии с правовой культурой и правовым поведением выделить виды историко-правового познания, которые характеризуются особым субъектным составом, спецификой рефлексии историко-правовой реальности, ее онтологическим и аксиологическим содержанием, гносеологическим и праксиологическим потенциалом.

Можно выделить три вида (уровня) историко-правового познания: научный, профессиональный и обыденный.

Научный (доктринальный) уровень историко-правового познания характеризуется критической рефлексией историко-правовой реальности на основе философского осмысления правового бытия в пределах определенного пространственно-временного континуума. Этот уровень историко-правового познания характерен для ученых, исследующих историко-правовые проблемы на основе первичной интерпретации юридических и исторических источников развития и функционирования права в его социальном, нормативном и институциональном выражении. Обобщающие труды историко-правовой направленности являются экспликацией интерпретации историко-правовой реальности второго уровня, при которой происходит выработка историософских концепций государственно-правового развития. Это означает возможность создания подобных трудов не только специалистами в истории права, но и представителями иных юридических и гуманитарных наук.

Профессиональный уровень историко-правового познания характерен для преподавателей высших учебных заведений, преподающих теоретико-исторические правовые дисциплины, и эксплицирует их интенцию на вторичную интерпретацию выводов и аргументов,